

Вполухутку поддразнив А-Эра по поводу его вечной привычки нянчиться с детьми, Махито упомянул, что после исчезновения того вернулся к своим сородичам. Прочие проклятия, выслушав его рассказ, искренне не понимали, почему столь сильный дух решил принять сторону человечества. Тем не менее они всё ещё надеялись переманить его к себе — ведь проклятия подобной сокрушительной мощи рождаются крайне редко.

Махито и его соратники стремились свергнуть человечество и занять его место. Ради этого им нужно было заполучить Рёмэна Сукуну, устранить Сабору Годзё, избавиться от Сугуру Гэто и убрать с доски остальных опасных противников.

Не встретить А-Эр на своём пути Юдзи Итадори в те дни, когда его разум ещё блуждал в туманном полузабытьи, он, возможно, и ответил бы согласием. Но теперь всё изменилось. Он не просто обрёл привязанность к людям, определившую его сторону, но и вернул утраченную память. Помня свою истинную цель — уничтожить саму систему магии и воссоединить все три свои сущности, — он ни за что не примкнул бы к проклятиям.

Время тоже играло решающую роль.

И сейчас, к несчастью для проклятий, А-Эр не просто отказывался встать под их знамёна — за спиной Махито ему явственно виделась тень Кэндзяку.

Когда-то тот лежал на коленях А-Эра, глядя на него с абсолютной, не терпящей сомнений преданностью и любовью, точно птенец на мать:

— Брат! Брат!

А-Эр помнил, как этот ребёнок бродил по лесу, ведомый любопытством, в котором сквозила чистая детская жестокость. Ему хотелось узнать, что станет с кроликом, если оторвать ему уши. Что будет, если лишить его лап? Выколоть глаза? Выбить зубы? Тогда А-Эр остановил его, мягко сказав, что прежде чем приступать к подобным опытам, нужно познать истинную тяжесть чужой жизни.

И мальчик послушно, с кротким видом посмотрел на него:

— Я понял, брат.

Младенец, которого он когда-то бережно прижимал к груди, рос день за днём и незаметно превратился в существо, способное по щелчку пальцев обрывать чужие жизни.

Обещая Владыке Тэнгэн, что убьёт Кэндзяку, А-Эр вовсе не чувствовал того ледяного спокойствия, которое демонстрировал внешне.

Как-никак, это было дитя, возвращённое его собственными руками.

«Это просто игра... Но действительно ли этот мир — всего лишь игра?»

А-Эр уже и сам не знал ответа. Он понимал лишь одно: будучи игроком, он волен поступать так, как велят ему разум и сердце.

На лбу А-Эра вздулись вены, пальцы мелко задрожали, но на губах по-прежнему блуждала безмятежная улыбка. Его разум словно отсекал все внешние раздражители, даруя телу обманчивую легкость. В голове билась одна отчетливая мысль: если всё оставить как есть, Махито неизбежно повторит путь Кэндзяку и совершит грех, которому не будет прощения.

По самой его ауре чувствовалось, что Махито родился совсем недавно. Пусть он уже успел пролить человеческую кровь, его бывшая слабость и вмешательство А-Эра удержали его от непоправимого зла. Но если не вмешаться сейчас, катастрофа станет лишь вопросом времени.

«Проклятие всегда остаётся проклятием. Под какими бы масками оно ни скрывалось, его истинная природа полна тьмы и жестокости».

Он тихо, с горечью вздохнул. Сложно было понять, к кому относился этот вздох — к Махито, Кэндзяку или к нему самому.

Наконец он заговорил, и голос его звучал на удивление мягко:

— Знаешь... я не стану помогать проклятиям истреблять людей. Тебе обязательно этим заниматься, Махито? Может, найдёшь себе другое хобби?

Он говорил тоном добродушного родителя, пытающегося на равных побеседовать с раскапризничавшимся ребёнком.

Махито, застрявший в облике пятилетнего мальчишки, лишь весело оскалился:

— Ну уж нет! Более того, я собираюсь и дальше ставить опыты на людях. Их вопли и мольбы о пощаде — это же так весело, тебе не кажется? Только так я могу по-настоящему прощупать очертания их душ.

— И почему ты так упираешься? Я правда не понимаю, с чего тебе так сдалась эта глупая игра в семью. Но если тебе так хочется, мы можем составить компанию! Зачем тебе для этого жалкие людишки?

Он растягивал слова, капризно канюча, словно избалованный ребёнок. Не услышь А-Эр мгновением ранее эти кровожадные откровения, его сердце, возможно, дрогнуло бы.

— Увы, не выйдет, — с мягким сожалением отозвался А-Эр. — И учти: если решишь пойти

против меня, мне придётся тебя уничтожить. Собственными руками.

— Эх, ну почему? Тот маг-отступник, от которого пахнет точь-в-точь как от тебя, уверял, что стоит мне принять облик ребёнка — и ты растаешь. Впрочем, мне ужасно любопытно... какова же на ощупь твоя собственная душа?

А-Эр промолчал.

Чёрные пряди его волос взметнулись вверх, подхваченные яростным вихрем проклятой энергии, подобно зловеющим ивовым ветвям во время бури. На скрывающей лицо чёрной вуали золотой узор в форме глаза налился багрянцем. Первая капля крови бесшумно сорвалась вниз, за ней — другая, с тихим, отчетливым стуком разбиваясь о землю. Золотой зрачок закрутился, превращаясь в безумную спиральную раковину, готовую затянуть в себя каждого, кто посмеет взглянуть на неё, чтобы перемолоть его плоть и кости в кровавое месиво.

Стояла середина душного лета, но температура вокруг стремительно падала, превращая знойный воздух в леденящий сквозняк склепа.

— Непослушный мальчик...

Поначалу это был лишь тихий, вкрадчивый шёпот, похожий на ворчание укоряющей матери. Но с каждым мгновением голос становился громче, обретал визгливую, яростную остроту:

— Плохой мальчик... Плохой мальчик... Дрянной, гадкий, невыносимый ребёнок!

Последние крохи терпения и снисхождения к Махито испарились без следа.

За последнее время А-Эр детально разузнал, чем занимался Кэндзяку на протяжении последней тысячи лет. Открывшаяся правда заставила его кровь заледенеть в жилах.

Это были грехи, которые невозможно искупить.

Он осквернял женщин с особым строением тела, заставляя их вынашивать плоть от проклятых духов, безуданно плодя противоестественных бастардов — полулюдей-полупроклятий.

А-Эру не нужно было видеть несчастную жертву, чтобы представить, через какой ад из боли и отчаяния ей пришлось пройти. А дети, рождённые в результате этих изуверских опытов, были изначально обречены на трагическое, жалкое существование.

«Зачем? Зачем ты это сделал?»

«Неужели ты забыл? Мы ведь и сами полукровки, рождённые из первобытной ненависти матери, потерявшей своё дитя. Мы ведь помним, каково это — чувствовать тепло её лона, осязая биение настоящей жизни».

При этой мысли в груди А-Эра вспыхнула обжигающая ненависть к Кэндзяку. И эта же ненависть заставила его ещё сильнее презирать самого себя.

«Если бы я тогда забрал его с собой, держал подле себя, контролировал каждый шаг...»

Но предаваться бесплодным сожалениям бессмысленно. В тех обстоятельствах забрать Кэндзяку было невозможно. Путь к уничтожению проклятого мира изначально задумывался как безумное шествие по терновому полю, и далеко не факт, что тот согласился бы последовать за ним.

Из-под чёрной вуали А-Эра сверкнули серебристо-белые глаза, уставившиеся на Махито ледяным, беспощадным взором. У того испуганно сузились зрачки. Чёрные пряди волос А-Эра извивались, словно живые змеи. Сделав шаг вперёд, он проговорил:

— Тебя нужно хорошенько проучить.

— Махито!

В этот момент из чащи с жужжанием вырвался рой уродливых фиолетовых насекомых. Стремительно, точно пущенные стрелы, они врезались в А-Эра. Раздалась серия оглушительных взрывов, от которых задрожала сама земля. Яростное пламя, способное расплавить даже кости, мгновенно поглотило его фигуру.

Когда дым рассеялся, на обгоревшем теле А-Эра запеклась тёмная кровь. Однако он даже не вздрогнул. Не сбавляя шага ни на мгновение, он продолжал наступать, намертво вперив взгляд в испуганного духа.

Из земли с треском полезли узловатые корни, пытаясь опутать его ноги. А-Эр уклонялся от ударов с поразительной пластичностью. Те же плети, что всё-таки достигали цели, он попросту игнорировал — хватал их голыми руками, вырывал с корнем из почвы и с хрустом ломал пополам.

Попадавшихся на пути мелких проклятых духов он сминал в кулаке, превращая в безвредную пыль.

Он двигался вперёд как неостановимая сила природы, готовый сокрушить любого — будь то бог или демон, — кто посмеет преградить ему дорогу.

В голове весело звякнул голос Системы:

****[Внимание!]****

****[NPC Дзёго наносит Игроку 999 единиц урона!]****

****[NPC Ханами наносит Игроку 200 единиц урона!]****

****[Но не стоит беспокоиться: запас здоровья Игрока составляет 999 999 999 единиц.]****

Дзёго и Ханами пытались кричать что-то сквозь гул сражения, всё ещё надеясь склонить его на свою сторону. Но А-Эр их не слушал. Высвободив колоссальный объём проклятой энергии, он заставил само пространство вокруг пойти уродливыми волнами от бушующей ярости. Крошечные духи, рождённые из его ауры, послушно потерлись о кончики его пальцев, после чего лавиной устремились к Махито.

Стоило бы ему настичь беглецов, и он скрутил бы их тела, точно старые пеньковые канаты.

****[Запущена соковыжималка для проклятий!]****

Осознав масштаб угрозы, три проклятия особого ранга бросились наутёк.

Изначально они вовсе не планировали убивать А-Эра — лишь прощупать почву, попытаться договориться, а в случае неудачи взять в плен.

Дзёго орал на бегу, брызжа слюной от ярости:

— Махито! Твою мать, ты не предупреждал, что этот монстр способен на такое!

Даже обычно спокойный Ханами укоризненно простонал:

— Махито...

Этот дух не обладал абсолютной защитой Сабору Годзё, способной полностью аннулировать любые атаки. Все их удары ложились точно в цель, разрывая его плоть, но он продолжал переть напролом, даже не замедляя темпа. Насколько же бездонным был его запас жизненных сил?!

Троица проклятий особого ранга на собственной шкуре ощутила, каково это — спастись бегством от разъярённого жнеца.

Преследователь стремительно сокращал дистанцию, непрерывно бормоча под нос зловещие слова о наказании непослушных детей. От этого безумного шепота у монстров мороз шёл по коже.

План выманить Сидзука Годзё строился на том, что Сабору Годзё и Сугуру Гэто были отвлечены подстроенным хаосом в другой части города. Но если погоня затянется, сильнейшие шаманы быстро разберутся с помехой и явятся на помощь. Тогда троице точно несдобровать.

Махито предупреждал о силе беглеца, но ни Дзёго, ни Ханами не предполагали, что столкнутся с абсолютным кошмаром. Узнав, насколько тот дорог Сатору и Сугуру, они рассчитывали использовать его как рычаг давления на непобедимых магов. Этот самонадеянный расчёт и привёл их к краху.

Теперь охотники сами превратились в дичь.

По лбу Махито катились крупные капли пота.

При обычных обстоятельствах их совместных сил хватило бы, чтобы одолеть А-Эра. Но Махито не знал, что к тому вернулись воспоминания тысячелетней давности, мгновенно взвинтив его боевую мощь и жизненный ресурс до запредельных показателей.

Понимая, что лобовое столкновение приведет лишь к бессмысленной смерти и раскрытию всех козырей, Махито решился на отступление.

Ему вспомнились слова того загадочного мага-отступника, чья аура так походила на запах А-Эра. Тот лишь усмехнулся, выслушав их план:

— Поймать его у вас не выйдет. Но если так не терпится — пробуйте. Главное, приготовьте путь к отступлению.

Проклятый предсказатель оказался чертовски прав.

И всё же Махито не ожидал, что А-Эр впадёт в такое неистовство.

Было очевидно, что этот гнев направлен вовсе не лично на него. Они были едва знакомы, и никакой глубокой привязанности между ними не существовало. С чего бы А-Эру так убиваться из-за него?

Должно быть, в движениях и словах молодого духа А-Эр разглядел тень кого-то другого.

Махито мысленно выругался в адрес того самого подстрекателя, из-за которого сейчас огребал по полной.

Но до чего же прекрасны были эти яростные глаза! Сверкающие, полные жажды убийства — казалось, в этот миг А-Эр не видел никого во вселенной, кроме него одного. От этого взгляда тело Махито сладко дрожало. Как же безумно хотелось заполучить его себе...

Но увы, плод был недостижим.

Умирать глупой смертью Махито не собирался. К счастью, лазейку он заготовил заранее.

В мгновение, когда когтистая длань А-Эра почти сомкнулась на его шее, из кустов раздался крик затаившегося двойника:

— Эй, глянь сюда!

А-Эр инстинктивно повернул голову. Клон держал бездыханного Дзюнпэя Ёсино и безжалостно швырнул мальчика высоко в воздух, прямо над пропастью.

А-Эр резко затормозил и рванулся в сторону падающего подростка.

Как и рассчитывал Махито, спасение человеческой жизни оказалось для него важнее мести.

Поймав Дзюнпэя у самой земли, А-Эр быстро осмотрел его. Убедившись, что мальчик просто без сознания и его жизни ничего не угрожает, он наконец облегчённо выдохнул.

Когда он поднял голову и посмотрел туда, где только что стоял Махито, поляна уже была пуста. Троица проклятий растворилась в лесной чаще без следа.

<http://bllate.org/book/18335/1760509>